

Волкова Кристина Сергеевна

студентка

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

г. Киров, Кировская область

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Аннотация: в статье исследованы проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в отношении подозреваемого и обвиняемого. Автором рассмотрены действия органов предварительного следствия при заключении лица под стражу.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, подозреваемый, обвиняемый, суд, органы предварительного следствия.

В настоящее время одной из наиболее распространенных мер уголовно-процессуального пресечения, применяемой судами в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, является заключение под стражу. В связи с этим в практической деятельности возникает ряд вопросов и серьезных проблем.

За последние несколько лет нормативное регулирование и практика применения мер пресечения существенно изменились. В Уголовно-процессуальный кодекс РФ внесен ряд дополнений, направленных на ограничение применения заключения под стражу и увеличение случаев избрания иных мер пресечения. В результате произошло значительное сокращение применения заключения под стражу (в 2007 г. судами удовлетворено 223 412 ходатайств органов расследования, в 2015г. – 132 923), хотя избрание домашнего ареста и залога в сопоставимых значениях не возросло (в 2007 г. удовлетворено 205 ходатайств об избрании домашнего ареста, в 2015г. – 2714; залога – 538 и 275 соответственно) [7]. Тенденция продолжается и в 2017 г.

Важная причина такого положения кроется в изменении подходов к пониманию оснований избрания мер пресечения. На протяжении многих десятилетий

российские юристы основывались на том, что мера пресечения избирается при наличии сведений, указывающих на вероятность ненадлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого). Последняя во многом зависела от характера преступления: чем выше его тяжесть, тем выше и вероятность уклонения от следствия, воспрепятствования установлению истины, совершения новых преступлений. Венцом такого понимания была широко известная ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР, согласно которой к лицам, обвиняемым по более чем пятидесяти составам преступлений, заключение под стражу могло быть применено по мотивам одной лишь опасности преступления. Иными словами, закон, теория и практика исходили из жесткой формулы: тяжесть преступления – строгая мера пресечения. О сведениях, характеризующих лицо, фактах противоправных действий обвиняемого, указывающих на возможное уклонение от следствия, как основаниях применения мер пресечения, конечно же, речь шла и в то время, но они не играли определяющей роли, точнее, практика их не абсолютизировала.

Судебные органы зачастую избирая данную меру пресечения к подозреваемому или обвиняемому, формально подходят к всестороннему изучению личности человека, уже на стадии следствия суд считает человека виновным в совершении инкриминируемого ему деяния (и это несмотря на установленную Конституцией РФ презумпцию невиновности) [1, с. 117].

По результатам исследований различных ученых, около 80% лиц, которым была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в последующем был вынесен обвинительный приговор с реальным сроком отбывания наказания в исправительной колонии [5, с. 67–69]. Таким образом, суд уже на ранних стадиях уголовного судопроизводства практически не оставляет шансов на благоприятный исход. Но в результате ошибки допущенной органами, предварительного следствия невиновный «попадает» в следственный изолятор, где может быть сломана вся его жизнь.

Следует отметить, что около 20% лиц, к которым была применена столь суровая мера пресечения (условия содержания под стражей схожи с условиями отбывания наказания осужденными в тюрьме), после объявления приговора были

освобождены из-под стражи. Возникает вопрос, а разве нельзя было применить к этим лицам более мягкой меры пресечения?

Но это еще не все вопросы, связанные с избранием меры пресечения, о которых хотелось бы сказать. Подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления попадая в следственный изолятор может сам стать потерпевшим или субъектом преступления, зачастую носящим опасный насильственный характер, особенно, если человек впервые попадает в СИЗО в компанию к лицам уже неоднократно судимым, за тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления.

Еще одним условием совершения насильственных преступлений в данных учреждениях является их общая перенасыщенность, в результате чего ощущается недостаток спальных мест, бытовых предметов, происходит скученность подозреваемых, обвиняемых в камерных помещениях. В результате этого администрации трудно поддерживать условия содержания. Эти обстоятельства также должны учитываться судами при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [1, с. 118].

Еще одна проблема – несовершеннолетние. Избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, суд направляет их в те же учреждения, что и взрослых, где к ним применяются похожие режимные требования, условия содержания. Сотрудники следственных изоляторов, проводя мероприятия по предупреждению насильственных преступлений, применяют к несовершеннолетним те же методы, что и к взрослым, что является в корне неверным, так как это совершенно другая категория лиц с еще не полностью сформировавшимися взглядами на жизнь, не «зараженными» криминальными идеями. В данный момент необходимо ограждать несовершеннолетних от лиц с устойчивыми криминальными взглядами, неоднократно судимыми и отбывавшими наказание в исправительных учреждениях. Необходимо создавать специальные центры, отличающиеся условиями содержания, создавать и применять специальные нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы заключения под стражу несовершеннолетних,

которые будут учитывать особенности его личности. Необходимо применять судебными и правоохранительными органами альтернативные меры пресечения такие, как домашний арест, присмотр за несовершеннолетними [2, с. 99–101].

На мой взгляд, судебным органам необходимо более тщательно подходить к вопросу избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, что поможет разгрузить следственные изоляторы, улучшит условия содержания, предотвратит совершение в них насильственных преступлений и оздоровит общество от развития криминальной и «тюремной» субкультуры.

Со вступлением России в Европейский Союз и распространение на нее юрисдикции Европейского Суда по правам человека РФ меняет ориентиры. Российские правоохранительные органы получили упрек в том, что не соблюдают презумпцию невиновности – берут под стражу лицо в досудебном производстве за совершенное им преступление, хотя судебного приговора еще нет. В Европейском суде обращают внимание: вы арестовываете за преступление, а надо применять арест, если лицо ведет себя противоправно, что подтверждается конкретными доказанными фактами (нарушило ранее избранную меру пресечения, реально скрылось от следствия, совершило новое преступление и т. д.) [4].

В крайнем своем проявлении эта позиция выглядит примерно так: совершил тяжкое преступление, но с места происшествия не скрывался, на очевидцев не воздействовал – под стражу взять нельзя. Тяжесть преступления – всего лишь условие, учитываемое при избрании меры пресечения. Каждый практикующий юрист понимает, насколько категорично и формально такое суждение, оно не отражает всего многообразия возникающих ситуаций, с позиций нашей ментальности его можно назвать даже несправедливым. Однако в нем есть и рациональные зерна. Кроме того, требования Конвенции о защите прав и основных свобод [3] и основанной на них практики Европейского суда по правам человека для российских правоприменителей обязательны [6]. Требование при избрании меры пресечения опираться на «конкретные фактические обстоятельства» нашло отражение и в действующем законодательстве (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Другой аспект, повлиявший на отношения органов преследования и судов при применении заключения под стражу состоит в официальном признании обоснованности подозрения как обстоятельства, учитываемого судами при избрании мер пресечения. Если раньше запрет на предрешение вопроса о виновности при избрании меры пресечения рассматривался как невозможность вообще оценивать обоснованность подозрения и высказываться в этом аспекте, то в настоящее время подход скорректирован, и судам предписывается исходить из обоснованности подозрения как одного из элементов фактического основания принятия решения о мере пресечения. Соответственно, от органов расследования требуется в ходатайстве мотивировать причастность лица к совершению преступления.

Список литературы

1. Бабунов В.Ю. К вопросу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / В.Ю. Бабунов, С.В. Кривошеев // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО МАМИ. – 2016. – №7. – С. 117–118.
2. Камардина А.А. Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – №3 (178). – С. 99–101.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS №5), (заключена в г. Риме 04.11.1950), (ред. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. – 8 января 2001 г. – №2. – Ст. 163.
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июня 2006 г. (жалоба №75039/01) «Корчуганова против России (Korchuganova v. Russia)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – №11.
5. Павлов А.В. Особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого, объявленного в международный розыск / А.В. Павлов, И.В. Сидорова // Законодательство и практика. – 2014. – №2 (33). – С. 67–69.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. №21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней» // Российская газета. – 05.07.2013.

7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 01.10.2016 г.).